

Ницше Фридрих

Несвоевременные размышления

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Ф88

Ф88 **Фридрих Н.**
Несвоевременные размышления / Ницше Фридрих – М.: Книга по Требованию, 2023. – 367 с.

ISBN 978-5-519-99906-9

На обл. дата: 1906Содержание: О пользе и вреде истории для жизни (1873 г.); Шопенгауэр как воспитатель (1874 г.); Рихард Вагнер в Байрейте 1875-76 г.

ISBN 978-5-519-99906-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

«Впрочемъ, мнѣ ненавистно все, что увеличиваетъ мои познанія, не призывая меня вмѣстѣ съ тѣмъ къ дѣятельности, не переходя непосредственно въ жизнь».

Этимъ словами Гете, этимъ чистосердечнымъ *Ceterum censeo* можетъ начаться наше изслѣдованіе о цѣнности и вредѣ исторіи. Въ немъ должно быть выяснено, почему, по словамъ Гете, намъ ненавистны чуждыя жизни научныя свѣдѣнія, знаніе, ослабляющее дѣятельность, и исторія какъ роскошь, какъ избытокъ познанія: — мы нуждаемся еще въ необходимомъ, а всякое излишество — врагъ необходимаго.

Конечно, и намъ нужна исторія, но совершенно иначе, чѣмъ она нужна избалованному и праздному любителю наукъ, какъ бы низменны и грубы ни казались ему наши потребности. Она намъ

нужна для жизни и дѣятельности, а не какъ пріятное забвеніе жизни, или, что еще хуже, какъ оправданіе нашего эгоистическаго существованія и трусливыхъ порочныхъ дѣяній.

Мы лишь постольку хотимъ служить исторіи, поскольку она служитъ жизни. Но есть степень служенія ей и родъ оцѣны ея, при которыхъ сама жизнь гибнетъ и вырождается. Это явленіе необходимо изслѣдовать именно теперь, руководясь необычайными симптомами нашего времени,— какъ-бы болѣзненно ни казалось намъ это изслѣдованіе.

Я задался цѣлью описать одно ощущеніе, которое часто мучаетъ меня. Я пишу ему, предавая его гласности. Быть можетъ, мое признаніе побудитъ кого-нибудь заявить, что и ему знакомо это ощущеніе, но что и недостаточно глубоко и только испыталъ его и потому передать не съ той увѣренностью и полнотою, которая дается только опытомъ.

Такъ скажутъ, быть можетъ, одни, двое,— другіе-же найдутъ, что это совсѣмъ извращенное, неестественное, отвратительное и, наконецъ, недозволенное чувство, что я выказалъ себя недостойнымъ великаго историческаго направленія нашего времени, особенно ярко опредѣлившагося среди пѣмцевъ за два послѣднія поколѣнія.

Во всякомъ случаѣ смѣлымъ и точнымъ описаніемъ испытываемаго мною чувства я не помѣ-

наго общему благополучію, скорѣе обратно, такъ какъ многимъ доставлю случай превозносить только что упомянутое историческое направленіе.

Я же лично нищу нѣчто болѣе мнѣ дорогое, чѣмъ общественное благополучіе,—я нищу возможности гласно высказаться и найти вѣрный взглядъ на наше время.

Это изслѣдованіе несвоевременно, ибо я пытаюсь доказать, что наше историческое образованіе, которымъ мы такъ гордимся, есть нѣчто вредное, какъ-бы зло и идти нашего вѣка; — мы всё страдаемъ губительной исторической лихорадкой, но не хотимъ сознаться, что охвачены ею. Но если Пете былъ правъ, сказавъ, что мы, усиливая свои добродѣтели, доводимъ ихъ до порока, и если, какъ всякому извѣстно, гипертрофированная добродѣтель—какой мнѣ представляется историческій духъ нашего времени — также можетъ губить народъ, какъ и гипертрофированный порокъ, то не слѣдуетъ препятствовать и моему писанію.

Для моего оправданія слѣдуетъ еще прибавить, что я только путемъ собственнаго опыта дошелъ до этого мучительнаго ощущенія и лишь для сравненія заимствовалъ у другихъ нѣкоторыя черты его, и что только въ качествѣ питомца древне-греческой культуры, могъ я притти къ столь несвоевременному взгляду на свой вѣкъ и на самого себя, какъ сына этого вѣка. Я тѣмъ болѣе

долженъ это сдѣлать, что къ этому призываетъ меня мое призваніе классическаго филолога. Ибо я не знаю, въ чемъ смыслъ классической филологіи въ наше время, какъ не въ призывѣ быть несвоевременнымъ, т.-е. возставать противъ времени и этимъ самымъ вліять на время и на благо будущаго.

I.

Взгляни на стадо овецъ, которое проходитъ мимо; эти овцы не знаютъ, что такое вчера и сегодня, онѣ скачутъ, шиплютъ траву, перевариваютъ, отдыхаютъ, снова скачутъ—такъ живутъ онѣ съ утра до ночи, изо дня въ день, тѣсно прикованныя къ мгновенію, къ своимъ радостямъ и огорченіямъ, и потому не знающія ни пресыщенія, ни тоски. Тяжело человѣку видѣть это, ибо онъ гордится передъ животнымъ своей человѣчностью и все же съ завистью заглядывается на его счастье, ибо самъ онъ мечтаетъ лишь о томъ, чтобъ подобно животному, не зная ни страданія, ни пресыщенія, но мечтаетъ объ этомъ безплодно, потому что хочетъ, чтобъ это было не такъ, какъ у животныхъ. Наконецъ человѣкъ спросилъ у звѣря: почему ты не повѣдаешь мнѣ своего счастья и только молча смотришь на меня? Звѣрь хотѣлъ отвѣтить ему: это происходитъ потому, что я всегда въ тотъ же мигъ забываю, что хотѣлъ сказать, но онъ въ тотъ же мигъ забылъ и этотъ отвѣтъ и промолчалъ,—и человѣкъ дивился этому.

Но онъ дивится и самому себѣ, тому, что онъ не умѣетъ научиться забывать и на вѣки прикованъ къ прошлому,—какъ бы быстро, какъ бы да-

леко онъ ни умчался, онъ обреченъ всюду влачить за собой цѣпи прошлаго. Не чудо ли это, что мгновеніе, вихремъ принесенное, вихремъ умчавшееся, возникшее изъ ничего и канувшее въ ничто,—что это мгновеніе снова и снова возвращается и нарушаетъ покой грядущихъ минутъ. Изъ свитка временъ непрестанно выпадаетъ листокъ за листкомъ, трепещетъ и уносится куда-то, и потомъ внезапно снова появляется и падаетъ къ ногамъ человѣка, и онъ говоритъ тогда: «я вспоминаю» и завидуетъ животному, которое забываетъ безвозвратно и видитъ, какъ каждое мгновеніе, дѣйствительно, умираетъ и гаснетъ навѣки, погружаясь во мракъ. Такъ живутъ животныя, не имѣя исторіи, ибо ихъ жизнь протекаетъ въ настоящемъ и исчерпывается имъ; они не умѣютъ притворяться, ничего не скрываютъ и въ каждое мгновеніе отражаютъ всю свою сущность и потому не могутъ быть лживыми. Человѣкъ же сгибается подъ непосильнымъ и все растущимъ бременемъ прошлаго; оно гнететъ его, сбиваетъ съ пути, отягощаетъ его движенія; онъ падаетъ подъ этой темной невидимой ношей, отъ которой ему удастся освободиться только для виду, возбуждая этимъ зависть своихъ ближнихъ. Поэтому-то видъ пасущагося стада или игры дѣтей какъ бы напоминаютъ ему о потерянномъ раѣ; у нихъ еще нѣтъ прошлаго, которое надо заглушать, они въ блаженномъ невѣдѣніи играютъ между границами прошлаго и будущаго. Но не долго длятся игры дѣтей; слишкомъ рано приходитъ конецъ ихъ счастливому забвенію. Впослѣд-

ствіи и опи научаются понимать слово: «прошлое» — это завѣтное слово, обрекающее человѣка на страданіе, борьбу, пресыщеніе и напоминающее ему, что въ основѣ его жизни лежитъ это никогда не уходящее прошлое. Когда же смерть приноситъ, наконецъ, желанное забвеніе, она вмѣстѣ съ тѣмъ похищаетъ и настоящее, и самую жизнь, и этимъ увѣковѣчиваетъ ту мысль, что жизнь не болѣе какъ непрерывный потокъ вещей, уже ставшихъ прошлыми, — что жизнь вѣчно отрицаетъ и уничтожаетъ самое себя.

Если вѣчная погоня за новымъ счастьемъ, каково бы оно ни было, есть именно то, что влечетъ и привязываетъ живущаго къ жизни, то можетъ быть циникъ ближе къ истинѣ, чѣмъ всякій другой философъ, ибо блаженство животныхъ — этихъ совершенныхъ циниковъ — оправдываетъ цинизмъ. Самое скромное счастье, если только оно нпчѣмъ не нарушено и дѣйствительно дѣлаетъ счастливымъ, безконечно лучше высшаго блаженства, которое, какъ нѣчто слѣпое, произвольное, случайно выпадаетъ на нашу долю среди огорченій, страстей и лишеній. Но какъ при самомъ большемъ, такъ и при самомъ скромномъ счастьи есть одно условіе, безъ котораго оно не будетъ счастьемъ: это даръ забвенія или, выражаясь научно, способность неисторически воспринимать свое существованіе. Кто не умѣетъ замереть на порогѣ мгновенія, забывъ все прошлое, кто не можетъ подобно богинѣ Побѣды безъ головокруженія и страха стоять неподвижно на одной точкѣ, тотъ никогда не узнаетъ, что такое

счастье, — болѣе того — онъ никогда не дастъ другому счастья. Яркимъ примѣромъ этого можетъ быть человѣкъ совершенно лишенный способности забвенія, осужденный всюду видѣть лишь текущее, проходящее: онъ не вѣритъ въ собственное существованіе, въ себя самого, онъ видитъ все въ вѣчномъ движеніи, въ вѣчной смѣнѣ и теряетъ себя въ этомъ потокѣ явленій. Какъ истинный ученикъ Гераклита онъ въ концѣ концовъ едва осмѣлится двигать пальцемъ. Забвеніе есть одно изъ условій всякой дѣятельности, подобно тому, какъ органическая жизнь обуславливается не только свѣтомъ, но и тьмой. Человѣкъ, который хотѣлъ бы воспринимать жизнь только исторически, походилъ бы на того, кто вѣчно долженъ воздерживаться отъ сна, или на животное, обреченное жить одной только жвачкой. Итакъ, можно жить почти безъ воспоминаній и при этомъ быть счастливыми, какъ мы это видѣли на примѣрѣ животныхъ, но совершенно невозможно жить ничего не забывая. Или, чтобъ яснѣе выразить мою мысль, скажу такъ: есть извѣстный предѣлъ бодрствованія, жвачки, историческаго образа мысли, которой не дано безнаказанно переступать какъ отдѣльному человѣку, такъ и цѣлому народу или культурѣ: за нимъ грозитъ постепенное паденіе и гибель.

Чтобы найти и строго очертить границы, за которыми прошлое должно быть забыто, ибо иначе оно обращается въ палача жизни, — слѣдуетъ точно выяснить, какъ велика *пластическая способность индивидуума, народа или культуры*. Я разумѣю

самодовлѣющую способность поглощать и превращать все прошлое и чуждое, возмѣщать утраченное, исцѣлять раны и изъ себя самого восстанавливать разрушенныя формы. Нѣкоторые люди обладаютъ этой способностью въ такой слабой степени, что они истекаютъ кровью какъ отъ ничтожной царапины, такъ и отъ перваго горя и тяжелаго переживанія, и подчасъ даже отъ одной еле примѣтной несправедливости. Но съ другой стороны есть люди, противъ которыхъ такъ безсильны самыя нелѣпыя и ужасныя несчастія и даже дѣянія ихъ собственной злобы, что вскорѣ послѣ этого, или даже среди всего этого они испытываютъ сравнительное благополучіе и не утрачиваютъ ясности духа. Чѣмъ глубже природа человѣка, тѣмъ могущественнѣй овладѣваетъ онъ прошлымъ, растворяя его въ себѣ. Если мы представимъ себѣ самаго могущественнаго и свободнаго человѣка, то для него совсѣмъ не будетъ существовать той черты, за которой знаніе исторіи обращалось бы въ подавляющую и губительную силу. Онъ воспринимаетъ въ себя все прошлое, свое и чужое, и поглощаетъ его, превращая въ плоть и кровь. Такой человѣкъ умѣетъ забывать то, что ему не удастся покорить себѣ— оно больше не существуетъ для него, горизонтъ замкнуть со всѣхъ сторонъ, его міръ—цѣленъ, и ничто не напоминаетъ о томъ, что и за этимъ горизонтомъ есть еще другіе люди, страсти, ученія и цѣли. Таковъ общій законъ: все живущее можетъ жить полной, здоровой, плодотворной жизнью, лишь оставаясь замкнутымъ въ грани-

цахъ горизонта. Если же человекъ не имѣетъ силъ очертить свой кругъ и вмѣстѣ съ тѣмъ слишкомъ эгоистиченъ чтобъ заключить себя въ чужой міръ, то онъ обреченъ на жалкое существованіе и раннюю гибель. Бодрость духа, чистая совѣсть, радостная дѣятельность, вѣра въ будущее—все это какъ у отдѣльнаго лица, такъ и у цѣлаго народа зависитъ отъ присутствія извѣстныхъ границъ, которыя отдѣляютъ все свѣтлое, доступное зрѣнію, отъ темнаго, непроницаемаго для глазъ—отъ умѣнія человека во время какъ забывать, такъ и вспоминать, словомъ—это зависитъ отъ силы инстинкта, указывающаго человеку, когда можно дать просторъ историческому чувству и когда этого не слѣдуетъ дѣлать. Я предлагаю читателю обдумать слѣдующее положеніе: для процвѣтанія индивидуума, общества и культуры равно необходимы какъ историческое начало, такъ и неисторическое.

Здѣсь мы прежде всего встрѣчаемся съ однимъ явленіемъ: предѣлы историческаго чутія и знанія могутъ быть крайне узки у отдѣльнаго лица, кругозоръ его можетъ быть такъ же тѣсенъ, какъ кругозоръ обитателя альпійской долины, сужденія его могутъ быть несправедливы, всякій шагъ новый для него одного—можетъ казаться ему новымъ по существу, и однако, несмотря на свою неправоту и заблужденія, онъ твердо и непоколебимо стоитъ на ногахъ и являетъ взору отрадное зрѣлище. Между тѣмъ, рядомъ съ нимъ широко развитой и несравненно болѣе справедливый человекъ томится и влачитъ жалкое существованіе по-